Ответственность единоличного исполнительного органа при принятии участником общества решения об утилизации товара

И. П. Трофимов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ilya.trofimov@teamgroup.ru

Responsibility of the Sole Executive Body when a Participant of the Company Makes a Decision on the Disposal of Goods

I. P. Trofimov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: ilya.trofimov@teamgroup.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы ответственности единоличного исполнительного органа общества, распределения бремени доказывания при предъявлении иска о взыскании убытков с исполнительного органа юридического лица, а также вопрос наличия самостоятельной воли юридического лица. Актуальность темы вызвана значительным увеличением в 2022–2023 гг. количества иностранных компаний, продающих бизнес в России. Эти процессы зачастую связаны с утилизацией товарных остатков и сырья с целью защиты интеллектуальной собственности и во избежание незаконного оборота своей продукции. Однако такие действия могут не совпадать с интересами нового собственника (нового участника) общества, доли которого продаются. В такой ситуации новый участник общества имеет право предъявить требования к единоличному исполнительному органу общества о взыскании убытков, поскольку именно исполнительный орган реализовал волю предыдущего участника путем осуществления действий, который нанесли ущерб обществу. Методологическую основу исследования составили логический, системный и формально-юридический (догматический) методы. В исследовании сделаны выводы о тождественности воли участника общества и воли самого общества, в связи с чем при ее изменении и предъявлении требований к исполнительному органу общества подлежит применению принцип, известный как эстоппель. Указанные действия должны быть квалифицированы как злоупотребление правом, в связи с чем в удовлетворении таких требований должно быть отказано.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, ущерб, убытки, прибыль, теория юридического лица, воля юридического лица, утилизация имущества, интеллектуальная собственность, корпоративная структура, единственный участник общества, общее собрание участников, экономическая целесообразность, правительственная комиссия, злоупотребление правом, эстоппель.

Abstract

The article deals with the issues of responsibility of the sole executive body of the company, the distribution of the burden of proof when filing a claim for recovery of damages from the executive body of a legal entity, as well as the issue of the existence of an independent will of a legal entity. The relevance of the topic is caused by a significant increase in the number of foreign companies selling business in Russia in 2022–2023. These processes are often associated with the disposal of commodity residues and raw materials in order to protect intellectual property and avoid illegal trafficking of their products. However, such actions may not coincide with the interests of the new owner (new participant) of the company whose shares are being sold. In such a situation, a new participant of the company has the right to make claims to the sole executive body of the company for recovery of losses, since it was the executive body that realized the will of the previous participant by carrying out actions that caused damage to the company. The methodological basis of the research for writing the article

consists of logical, systematic and formal-legal (dogmatic) methods. As a result of the study, conclusions were drawn about the identity of the will of the participant of the company and the will of the company itself, in connection with which, when changing it and submitting requirements to the executive body of the company, the principle of estoppel is subject to application. These actions should be qualified as an abuse of the right, and therefore the satisfaction of such requirements should be also refused.

Keywords: business activity, damage, losses, profit, theory of a legal entity, will of a legal entity, disposal of property, intellectual property, corporate structure, sole participant of the company, general meeting of participants, economic feasibility, government commission, abuse of law, estoppel.

В 2022–2023 гг. на фоне обострившейся политической ситуации в мире многие иностранные компании приняли решение о закрытии бизнеса в России или продаже его местным покупателям (чаще всего – менеджменту) с целью сохранения рабочих мест и поддержания производства, однако уже под другим брендом¹.

Исследования рынка говорят, что к марту 2023 г. более трети международных компаний, а именно 139 из 419, приняли решение о прекращении ведения бизнеса в России. Из них 50% уже продали свои активы (в большинстве случаев такие сделки осуществляются через продажу 100% долей в российской компании)². В случае, когда продавец является лицом из недружественной страны, проведение таких сделок требует отдельного согласования на уровне Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 618.

В таких случаях продажа бизнеса часто сопровождается утилизацией складских остатков и иных активов, что зачастую является условием при продаже долей общества новому владельцу. Яркий пример подобного производителя, ушедшего с российского рынка, – компания «Сиско Системс» (Cisco Systems Inc.), занимающаяся сетевым оборудованием и ИТ, принявшая в июне 2022 г. решение о закрытии бизнеса в России и уходе с российского рынка. При этом в январе текущего года международная компания Cisco Systems приняла решение о ликвидации материального имущества, расположенного в России, на общую сумму 1,86 миллиарда рублей. В качестве официальной причины было заявлено прекраще-

ние продаж в стране. Большую часть этого имущества составляли запасные части, но вместе с тем было решено уничтожить и другие активы, включая ИТ оборудование. Эта информация подтверждается бухгалтерской отчетностью представительства Cisco Systems в России – ООО «Сиско системс»³.

Компании, которые уходят с рынка путем ликвидации или смены собственника, не заинтересованы в том, чтобы товарные остатки (зачастую брендированные) оставались в обороте на территории России, поскольку создаются риски неправомерного использования товаров, в том числе на черных рынках. Аналогичная практика встречалась и ранее (до 2022 г.), когда крупные компании уничтожали нереализованную продукцию с целью недопущения ее нелегального оборота. Одним из наиболее ярких примеров является компания Burberry, которая в 2018 г. утилизировала нераспроданную продукцию на сумму более 37,6 млн долларов (28 млн евро). По заявлению компании, Burberry таким образом защищает свою интеллектуальную собственность и не допускает попадания собственных вещей на черные рынки по низким ценам⁴.

Следует различать случаи, когда компания уничтожает продукцию без смены состава участников (когда компания остается на рынке, как в случае с Burberry, или когда компания просто прекращает работу в России, как в случае с Cisco), от случаев, когда такие действия предвзряют или происходят одновременно с продажей долей общества. В настоящей статье рассматривается последний вариант, в рамках которого

¹ На каких условиях иностранцы продают бизнес в России // РБК. – 5 августа 2022. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/08/2022/62ebc7609a7947c562a5979c>

² США подсчитали число ушедших из России компаний // Лента.ру. – 25 мая 2023. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/25/ushli/>

³ Компания Cisco уничтожила активы в России почти на 1,9 млрд рублей // Новый проспект. – 5 апреля 2023. – URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/kompaniya-cisco-unichtozhila-aktivy-v-rossii-pochti-na-1-9-mlrd-rublej-utilizirovali-zapasy-oborudov/>

⁴ Luxury brands including Burberry burn stock worth millions // The Times. – 19 июля 2018. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/luxury-brands-burning-stock-worth-millions-zxxscjcmj>

затрагиваются важные вопросы ответственности единоличного исполнительного органа общества, распределения бремени доказывания при взыскании убытков, а также вопрос наличия самостоятельной воли юридического лица.

Как правило, решение об утилизации активов принимает собственник (единственный участник или участники общества на общем собрании) до завершения сделки купли-продажи долей общества. Однако воля нового собственника (нового единственного участника или новых участников) может не совпадать с волей прежнего собственника, имеющего намерение избавиться от активов как можно скорее, поскольку новый собственник заинтересован в том, чтобы коммерческая организация достигала цели, закрепленной в части 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), – получения прибыли. Одновременно с этим возникает вопрос о самостоятельном интересе общества – не нарушает ли решение участника об утилизации активов права и законные интересы самого общества.

В соответствии с пунктом 5 статьи 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» с иском о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа может обратиться либо само общество, либо его участник. При этом очевидно, что оснований для такого обращения у участника общества нет, так как он лично принял решение об утилизации имущества. Поскольку в данной ситуации основания для предъявления иска остаются только у самого общества, возникает вопрос: насколько воля участника отличается от воли самого общества? И должен ли генеральный директор (или иной единоличный исполнительный орган) быть ответственным за отрицательные финансовые показатели, возникшие у общества в связи с такими действиями?

В силу части 3 статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» единоличный исполнительный орган общества без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки, а также выдает доверенности на право представительства от имени общества. Следовательно, формально соглашения об утилизации имущества компании подписывает именно единоличный исполнительный орган (чаще всего – генеральный директор).

Между тем утилизация активов общества может противоречить основной цели деятельности коммерческой организации, закрепленной в статье 50 ГК РФ, а именно – извлечению прибыли. Отсюда возникает еще один вопрос: могут ли действия единоличного исполнительного органа по утилизации активов причинить убытки обществу и (или) имеет ли место недобросовестность и (или) неразумность в действиях генерального директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица?

Несмотря на то, что в силу пункта 2 статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» исполнительные органы общества несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), если иные основания и размер ответственности не установлены федеральными законами, для привлечения единоличного исполнительного органа к ответственности важно определить, действовал ли он разумно и добросовестно при исполнении своих функций. Иными словами, был ли он внимателен, осторожен и предпринял ли все необходимые действия для корректного выполнения своих обязанностей.

Пункт 25 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняет, что негативные последствия, наступившие для общества в период, когда лицо осуществляло функции единоличного исполнительного органа общества, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействий), поскольку возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности.

Судебное регулирование направлено на обеспечение правовой защиты юридических лиц и их основателей (участников), исключая оценку экономической целесообразности управленческих решений. В этом контексте исполнительный орган не должен нести ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, при условии, что его действия или бездействие, повлекшие убытки, не выходят за рамки обычного предпринимательского риска.

Более того, в ходе судебного разбирательства генеральный директор не ограничен в праве да-

вать объяснения по делу и раскрывать причины своих действий (или бездействий), равно как и предоставлять доказательства. Это прямо подтверждается позицией Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), выраженной в пункте 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: если истец утверждает, что директор действовал недобросовестно и (или) неразумно, и представил доказательства, свидетельствующие о наличии у юридического лица убытков, вызванных действиями (бездействием) директора, такой директор может дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, на неблагоприятную рыночную конъюнктуру, недобросовестность выбранного им контрагента, работника или представителя юридического лица, неправомерные действия третьих лиц, аварии, стихийные бедствия и иные события и т. п.) и представить соответствующие доказательства.

В гражданских правоотношениях презюмируется, что участники общества действуют разумно и добросовестно до доказательства обратного, поэтому, когда возникает вопрос о недобросовестности или неразумности действий единоличного исполнительного органа компании, которые привели к убыткам юридического лица, бремя доказывания этих обстоятельств ложится на истца. Это значит, что истец должен предоставить убедительные доказательства и аргументы, указывающие на то, что действия или бездействие генерального директора были неосмотрительными или преднамеренными и потому привели к негативным последствиям для общества. Следовательно, необходимо определиться с перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию в таком случае.

Для успешного взыскания убытков в судебном порядке следует тщательно и всесторонне сформировать пакет доказательств, подтверждающих ряд ключевых аспектов, связанных с причинением ущерба обществу.

В первую очередь критически важно установить и подтвердить факт наличия ущерба, причиненного компании, и определить его конкретный размер. Это потребует предоставления документов, экспертных заключений или других доказательств, которые могут свидетельствовать о размере и характере потерь.

Во-вторых, следует доказать, что действия или бездействие генерального директора носили виновный характер. Это может включать в себя действия, которые были преднамеренно направлены на нанесение убытков, или действия, проявляющие халатность и неосторожность со стороны генерального директора. Важно учитывать как прямые действия директора, так и его упущения, которые он мог и должен был предотвратить, основываясь на своем опыте и компетенциях.

В-третьих, необходимо установить и доказать прямую причинно-следственную связь между действиями или упущениями генерального директора и фактическими убытками, понесенными обществом. Этот этап требует детального анализа обстоятельств, при которых был нанесен ущерб, и связи этих обстоятельств с действиями генерального директора.

Только при наличии этих трех компонентов доказательств и их тщательной подготовке возможно обоснование требования о взыскании убытков в суде, что дает шансы на положительное решение по делу. При этом пункт 2 упомянутого Постановления № 62 определяет перечень оснований, когда недобросовестность действий или бездействие директора считаются доказанными. Из этих оснований только первый и последний пункты применимы к рассматриваемой ситуации: конфликт между личными интересами и интересами юридического лица и заключение сделки, не соответствующей интересам юридического лица.

Последний пункт может быть применим к рассматриваемой ситуации (если считать утилизацию продукции самостоятельной сделкой). Оценка выгоды или невыгоды сделки должна проводиться на тот момент, когда она была заключена. Ситуация может измениться, и невыгодность может стать явной уже после ее заключения из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, возникших на основе этой сделки. Если будет установлено, что генеральный директор в момент заключения сделки знал или планировал ее неисполнение или неполное исполнение и это впоследствии привело к убыткам для общества, то он может быть привлечен к ответственности. Это подразумевает, что при заключении сделки генеральным директором должен проводиться анализ с учетом потенциальных рисков и их последствий. Если будет доказано, что генеральный директор сознательно пошел на заключение сделки, понимая ее

возможные негативные последствия для компании, это может послужить основанием для возмещения убытков.

В рассматриваемом случае действия генерального директора прямо обусловлены решением участника, который заинтересован в утилизации продукции для минимизации возможных репутационных и иных рисков. Само же общество может быть ограничено в использовании такой продукции по причине отсутствия прав на интеллектуальную собственность, неразрывно связанных с продукцией и участником общества. В частности, такое возможно в случае, когда исключительные права на товарные знаки, размещенные на утилизируемой продукции, принадлежали участнику общества, а общество использовало их на основании лицензионного договора, который расторгнулся одновременно с продажей долей самого общества.

Таким образом, как указал ВАС РФ, генеральный директор освобождается от ответственности, если докажет, что невыгодная сделка заключена для предотвращения нанесения еще большего ущерба интересам юридического лица. Ярким примером ущерба может быть иск о нарушении исключительных прав и взыскании убытков от прежнего участника общества вследствие продажи обществом остатков продукции под товарным знаком прежнего участника.

Важнейшим моментом является определение воли юридического лица. Может ли общество отделить свою волю от воли единственного участника или участников общества, особенно в случае, когда решение принимается единогласно?

Позиция Верховного суда Российской Федерации, основанная на пункте 3 статьи 53 ГК РФ и выраженная в «Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.) состоит в том, что лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу.

С другой стороны, в теории права выделяют следующие теории юридического лица: теория

фикции, теория персонифицированной цели, теория реального субъекта (органическая теория), теория коллектива, теория государства, теория директора, теория социальной реальности, теория социальных связей, теория организации, теория персонифицированного (целевого) имущества, теория агрегирования, теория интереса и др. Несмотря на наличие множества теорий, нельзя отрицать, что юридическое лицо в любом случае с точки зрения материального мира является абстракцией, то есть создано исключительно сознанием человека и существует благодаря законодательному закреплению этой правовой конструкции [1].

Процедура принятия решения органами управления юридического лица – не что иное, как способ формирования внешнего проявления воли и интереса юридического лица [3]. С. Д. Радченко, развивая эту мысль, приводит подходящий пример того, что в любой корпоративной структуре, где участниками компаний выступают исключительно другие юридические лица, которые, в свою очередь, также созданы и контролируются другими юридическими лицами, этот путь в конечном итоге всегда ведет к физическим лицам – конечным бенефициарам. Независимо от того, насколько сложной и длинной является данная иерархическая цепь участников, в ее основе всегда будут реальные люди, которые первоначально проявили инициативу и желание создать звенья этой корпоративной цепи. Эти индивиды являются первоисточниками всей системы, и именно их решения и намерения определяют создание и функционирование каждого последующего юридического лица в этой иерархии.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что воля участников общества неразрывно связана с волей самого общества, поскольку само общество отдельно от своего участника волей не обладает. Это же подтверждается и пунктом 1 статьи 53 ГК РФ, который закрепляет за юридическим лицом приобретение гражданских прав и принятие на себя гражданских обязанностей через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами.

В силу статьи 91 ГК РФ, статьи 32 Федерального закона № 14-ФЗ высшим органом общества с ограниченной ответственностью является общее собрание его участников. Руководство текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом обще-

ства. Получается, что предыдущий единственный участник (или собрание участников) выразил свою волю в момент принятия решения об утилизации остатков продукции. Поскольку, исходя из вышеизложенного, воля общества тождественна с волей его участника, это означает, что на момент принятия рассматриваемого решения воля общества была направлена на утилизацию товара. При этом очевидно, что воля общества не совпадает с волей нового участника, который, реализуя свое право через само общество, может предъявить требование о взыскании убытков к исполнительному органу, возникшее в связи с утилизацией имущества.

Действующее регулирование направлено на защиту стороны, выполняющей добросовестно свои обязательства, и наоборот – ограничение прав на защиту лиц, злоупотребляющих правом. Это соответствует принципу эстоппель, который стал новеллой для российского законодательства, впервые получив свое отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22 февраля 2011 г. № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 [2]. В силу пункта 2 статьи 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля на совершение определенных действий, не вправе оспаривать такие действия по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли.

Принцип «эстоппель» предполагает утрату лицом права ссылаться на какие-либо обстоятельства (заявлять возражения) в рамках гражданско-правового спора, если данные возражения существенно противоречат его предшествующему поведению. Основным критерием его применения является не последовательное, непредсказуемое поведение участника гражданско-правоотношения.

Значение принципа состоит в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду вследствие своей не последовательности и непредсказуемости в поведении в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом полагалась на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что, поскольку воля общества тождественна воле его участника, к действиям нового участника по предъявлению требований о взыскании убытков к исполнительному органу общества, возникших при реализации выраженной воли участника, должен быть применен принцип «эстоппель» и такие действия должны быть квалифицированы как злоупотребление правом, в связи с чем в удовлетворении таких требований от общества к генеральному директору должно быть отказано.

Список литературы

1. Гусева А. А. Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров) // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 5 (150). – С. 64–72.
2. Ефремов Е. Н. Принцип «эстоппель» в современном гражданском праве России: основные положения и особенности применения // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2018. – № 1. – С. 34–40.
3. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: монография. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
4. Синглеева Б. А., Панин А. В., Аксенов И. Ч., Нактанов К. К., Цебекова Г. В. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 4 (63). – С. 53–58.
5. Шахнов Д. Д. Проблемы реализации ответственности единоличного исполнительного органа // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2019. – № 2–3 (27). – С. 19–32.